

ФИЛОСОФ, НЕ НАУЧИВШИЙСЯ МУДРОСТИ

Шаронов Владимир Иванович — кандидат педагогических наук, ученый секретарь. Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Российская Федерация, 236016 Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62.
ORCID: 0000-0002-9708-1446
sharonovvi@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена состоянию научного исследования жизни, деятельности и наследия В.Э. Сеземана, российского, литовского, советского философа, участнику евразийского движения. Его судьба оказалась тесно связана с одним из главных идеологов евразийства Л.П. Карсавиным, ученым-медиевистом и философом. Отсутствие целостного представления о жизни и философских идеях Сеземана обусловлена совокупностью причин: прежде всего, недостатком переводов на русский язык значительного числа работ, созданных на немецком и литовском языках. Еще одна важная причина заключается в низкой погруженности исследователей в архивные источники, содержащие много неизвестных сведений о биографиях Сеземана и Карсавина.

В статье активно используются ранее неизвестные исторические документы. Они воссоздают атмосферу драматического напряжения 1920-х – 1950-х годов, раскрывают важные обстоятельства трагического излома судеб двух русских философов. Вопреки устоявшемуся мнению автор считает главным реальным поводом уголовного преследования Сеземана не участие в евразийстве, а принципиальную философскую позицию, в том числе выразившуюся в публичных возражениях

**ВРЕМЕНА.
НРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ**

против насаждения верховенства принципа партийности в преподавании логики и против реформатирования этой науки в идеологическую дисциплину.

Автор статьи также указывает на то, что еще одной причиной арестов стала крайняя беспечность этих университетских профессоров в неформальных отношениях с окружающими, многие из которых были секретными агентами. Доверчивость и даже неадекватность, проявленная в реальной жизни двумя мыслителями, переводит тему в регистр этики и выводит к вопросам о личной ответственности каждого из этих теоретиков за трагедию не только их жизни, но и жизни близких.

Ключевые слова: Сеземан, Карсавин, Савицкий, русская философия, русская эмиграция, евразийство, дискуссия о логике, кабинетный ученый и реальность.

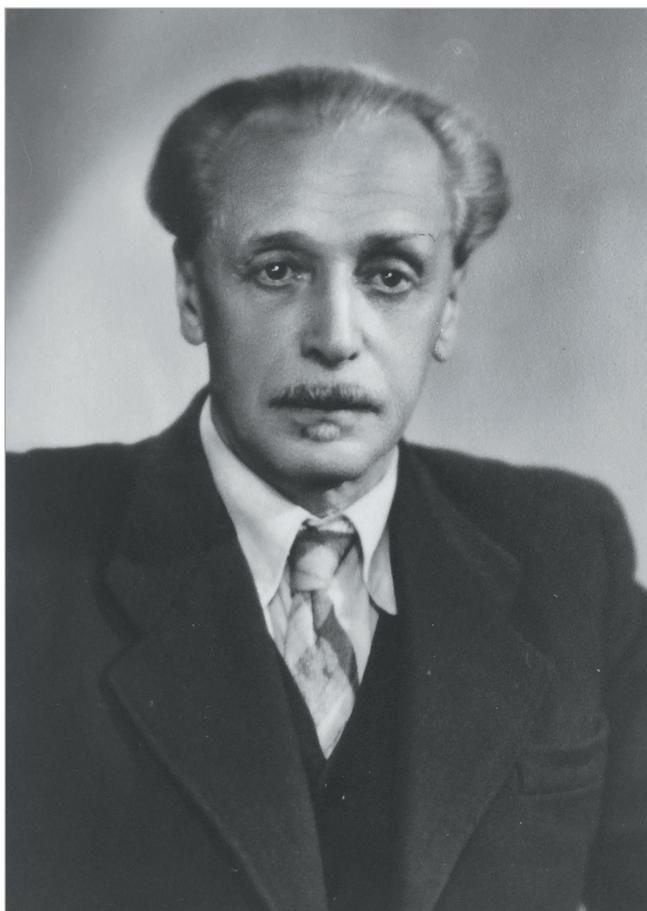
Ссылка для цитирования: Шаронов В.И. Философ, не научившийся мудрости // Человек. 2023. Т. 34, № 5. С. 83–113. DOI: 10.31857/S023620070028504-1

Имя Василия Эмильевича Сеземана (1884–1963) в настоящее время известно большинству историков русской религиозной философии. Но эта известность нередко исчерпывается двумя-тремя сведениями: выпускник историко-филологического факультета, участник евразийского движения, инициатор приглашения Льва Платоновича Карсавина (1882–1952) в Каунасский университет. В действительности Василий Эмильевич был одарен многими талантами, а его творческий путь во многом уникален по обстоятельствам жизни и назначенным испытаниям.

Судьба Василия Эмильевича не сводима к эффектному, но, по сути, плоскому «байопику», сегодня преимущественно обеспечивающему интерес публики. Но если его когда-то все-таки создадут, повествование не обойдет вниманием факт вполне экзотический — две большие надписи, высеченные в скальной породе шхер близ полуострова Ханко: «Pave Seseman 1654» и «Paal Seseman 1666»¹. Это имена первых из известных предков Василия Сеземана, чье родословное древо к настоящему дню едва умещается на двух листах ватмана, при том, что каждая именная клетка схемы занимает несколько квадратных сантиметров.

Самые известные из Сеземанов — родной сын Василия Эмильевича Алексей (1916–1989) и приемные дети — Дмитрий (1922–2010)

¹ В зарубежных туристических проспектах эти места именуют Финской Ривьерой [Maritima, 2015]. Русское название — Гангут, где в 1714 году русский флот одержал первую значительную победу над шведскими кораблями. В честь этого события в Российской Федерации отмечается День воинской славы России.

В.Э. Сеземан. Каунас, 1938

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

и ныне здравствующая Наталья Юрьевна Климанскене (1930 года рождения). Алексей и Дмитрий Сеземаны хорошо известны любителям русской истории как непосредственные участники судьбы семьи Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941), Сергея Яковлевича Эфрона (1893–1941). Сыновья Сеземана часто упоминаются в разных мемуарах, они и сами состоялись как авторы востребованных художественных книг и публицистических статей.

Наталья Климанскене близко дружила с известным буддийским духовным наставником, философом Бидией Дандароновичем Дандароном (1914–1974), написала об этом воспоминания. Журналисты и сегодня обращаются к ней за интервью, но никто из них не обращает внимания, что наставником Дандарона в философии был профессор Сеземан [Климанскене, 1997: 2; Йонкус, 2017: 206]. Его влияние было так значительно, что в будущем один из авторов «буддизма для европейцев» [Аюшева, 2014: 48]

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

придерживался сеземановских трактовок некоторых ключевых философских категорий [Йонкус, 2017: 205].

На фоне известности своих детей сведения о судьбе и творчестве Василия Эмильевича скудны, известны лишь немногим специалистам. Он учился у Н.О. Лосского и других профессоров знаменитого историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, затем в Марбурге и Берлине у Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, Г. Дильса, Г. Вольфлина, встречался с Х. Ортегой-и-Гассетом и т.д. С гимназических лет он дружил с Николаем Гартманом (1882–1950), именно под его влиянием оставил учебу в медицинской академии и перевелся на историко-филологический факультет. Оба не только были авторами серьезных философских изданий первой половины XX века, комментировали в научной печати философские работы друг друга [Hartmann, 1958: 368–374; Sezeman, 1921: 234]; [см. подробнее: Йонкус, 2017; Белов, 2017].

Такой взыскательный знаток русской религиозной философии как В.В. Зеньковский пусть точечно, но не обошел вниманием фигуру В.Э. Сеземана [Зеньковский, 2001: 844]. Н.О. Лосский уделил ему несколько страниц [Лосский, 1991: 375–376], а Б.В. Яковенко оценил отдельные статьи Сеземана как выдающиеся [Яковенко, 2003: 420].

В зарубежных странах интерес к личности и наследию философа присутствует только в Литве и Финляндии. Но и, например, литовские специалисты не забывают сделать оговорку, что полноценное исследование наследия Сеземана только начинается [Йонас, 2017: 203]. В культурной среде Финляндии, где прошла жизнь родной сестры Василия Эмильевича — Иды Марии Парланд (1878–1942), Сеземаном заинтересовались в 1980-х годах, когда финское общество охватил интерес к семиотике. Одним из тех, кто оседлал эту волну, был старший сын Иды Марии — Оскар Парланд (1912–1997). Парланд был доктором медицинских наук, специалистом в области психиатрии и писателем. Он много выступал с докладами, неизменно утверждая, что его старшего брата Генри Парланда (1908–1930) [Parland, 2011], поэта, прозаика и переводчика следует считать предтечей национальной семиотики. При этом Оскар не уставал повторять, что они с Генри многими идеями обязаны своему дяде Василию. Имя Василия Сеземана часто упоминается на страницах книги воспоминаний и эссе О. Парланда «Знание и сопереживание» [Parland, 1991].

Всего перечисленного выше как будто достаточно, чтобы пробудить научный интерес к фигуре и наследию В.Э. Сеземана и предоставить богатый материал исследователям, но за минувшие три десятилетия ему было посвящено считанное число научных

Вильма Бруновна Сеземан (урожденная фон Доберт) и Василий Эмильевич Сеземан. Берлин, 1936 год.

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

статей, написанных на русском языке; не защищено ни одной российской диссертации, не написано ни одной книги². В.Н. Белов, ведущий отечественный исследователь наследия В.Э. Сеземана не так давно констатировал, что как философ он интересен и самобытен, но пока еще малоизучен [Белов, 2022: 232]. Значительно раньше американский автор Т. Ботц-Борнштейн в книге, посвященной анализу философских взглядов Сеземана, писал, что для него затруднительно даже определить, к какой национальности

² См., например: Йонкус Д. Философия Василия Сеземана: неокантианство, интуитивизм и феноменология // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. № 1 (11). С. 79–96; Белов В. Современные исследования творчества Василия Сеземана за рубежом // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. № 2 (12). С. 411–424; Чардыбон Б. Философия Василия Сеземана и марбургское неокантианство // Кантовский сборник. 2015. № 3. С. 66–85.

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 ПРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

и культуре отнести Сеземана, и считать ли его работы русскими, финскими, немецкими или литовскими. Для простоты он даже предлагал использовать определение «балтийский философ» [Botz-Bornstein, 2006: 7].

Русский и немецкий были для Василия Сеземана родными; шведский, финский и литовский он освоил самостоятельно. Его перевод трактата Аристотеля «О душе», впервые изданный в Литве в 1959 году [Aristotelis, 1959], и сегодня используется при издании трудов Стагирита [см., например: Aristotelis, 2020] и воспринимается как классический образец национальной философской терминологии. Более того, признано, что В.Э. Сеземан и Л.П. Карсавин своими переводами античных и более поздних классических текстов вместе с литовскими теоретиками П. Курайтисом (1883–1964), А. Мацейной (1908–1987), С. Шалкаускасом (1886–1941) и др. обеспечили фундамент для зарождения и развития собственных школ литовской философии, истории и теории культуры и доказали теоретическую состоятельность литовского языка в философии [Trumpa, 2001: 158; Genzelis, 1997: 235–244; Kačerauskas, 2011: 253; Gieda: 2013, 228; Pleškaitis, 2004]³. Всего за свою жизнь Сеземан написал сто с небольшим научных статей и книг на русском, немецком и литовских языках.

Сеземан иногда по касательной упоминается в статьях в связи с его работой в литовских университетах вместе с Карсавиным. В конце 1950–х годов оба они были незаконно осуждены. Карсавин скончался в заключении, а Сеземан после освобождения и реабилитации вернулся к преподавательской деятельности. Во время его работы в Литве были написаны и изданы на литовском языке его книги по логике, гносеологии и эстетике, некоторые уже после смерти ученого.

Чаще всего фамилию Сеземана можно встретить в научных статьях, посвященных классическому евразийству. Он был одним из участников этого объединения и автором евразийских изданий, а также находился в дружеских отношениях с его основателями, в т.ч., как упомянуто выше, и с Карсавиным. Но в работах на евразийские темы имя Сеземана используется преимущественно «через запятую», поскольку считается, что существенного влияния на судьбу евразийского движения он не оказал, а его философские статьи не имели практического значения.

Такой подход к оценке места и роли Сеземана в истории евразийства представляется не вполне верным уже потому, что

³ В полноценность переводов философской классики на литовский язык в 1920–1930-е годы верили далеко не все, поскольку до XX века основным языком литовских теоретиков были либо русский язык, либо латынь.

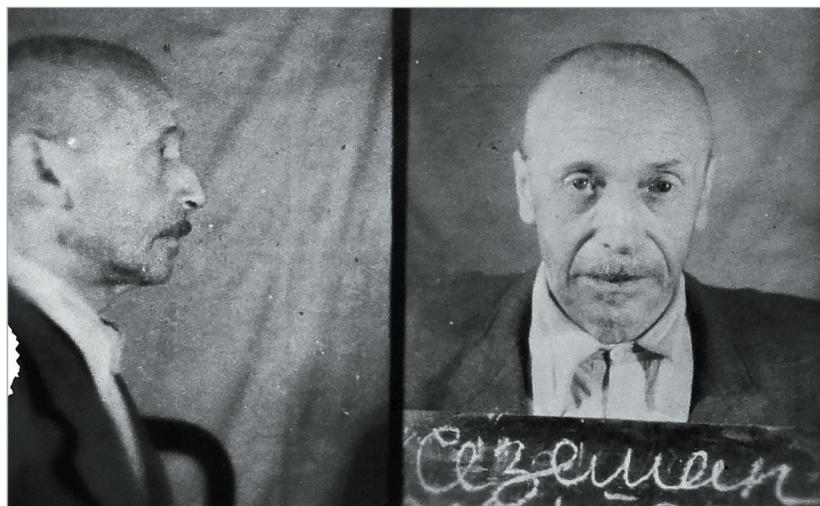
архивные документы убедительно указывают, что деятельность этой в действительности немногочисленной группы [см. подробнее: Глебов, 2010: 84] в иные моменты зависела от позиции «второстепенных» участников, лишь входивших в окружение главных идеологов и организаторов. Что же касается практической бесполезности статей Василия Сеземана ввиду их отвлеченного характера, то и это вряд ли можно считать полностью верной оценкой. Его философская квалификация как автора превосходных статей добавляла евразийцам репутацию интеллектуалов не только в среде русской эмиграции, но даже и в Советской России. Достаточно отметить, что среди тех, кто счел необходимым полемически откликнуться на это теоретическое направление, был Анатолий Луначарский [Луначарский, 1926], за статьями евразийцев следил и Максим Горький [см. подробнее: Казнина, 2003, 389–391] и др.

Необходимо учитывать также, что В.Э. Сеземан участвовал в деятельности евразийцев дольше, чем многие. Он примкнул к ним в 1924 году [Дело, 1950: 54] и не покинул их ряды в самые сложные времена, когда в организации зримо нарастал кризис. Если «на бумаге», на страницах евразийских газет и сборников все было относительно стройно, то на практике, в реальной организационно-политической деятельности все оказалось осложнено неудачами: движение дискредитировали такие заметные активные участники как П.С. Арапов (1897–1938) А.А. Ланговой (1896–1964) и др., оказавшиеся советскими агентами. Л.П. Карсавин еще в 1924–1925 годах понял, что «связь с единомышленниками в Советском Союзе, поддерживаемая через Лангового, не серьезная, и что [это] просто комбинация органов Советского Союза... <...> ... под надзором органов ОГПУ» [Дело, 1949: 57]. Постепенно это же стало понятным все большему числу русских эмигрантов. По этой причине, а также вследствие внутреннего идейного раскола, известного под названием «кламарского», организацию покинули многие [Ермишина, 2015: 125–127].

Василий Сеземан, несмотря на все происходившее, продолжил трудиться во благо евразийской идеи [Дело, 1949: 57]. В оперативных справках ОГПУ отмечалось, что он «пользовался большим доверием лидера евразийства в 1930-е гг. П.Н. Савицкого» (1895–1968) [Дело1950: 35/1/4]⁴. По его поручению в 1933–1934 годах

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

⁴ Документы, приобщенные к архивным уголовным делам, имеют разную пагинацию. В общем теле уголовных дел используется последовательная нумерация, а в приложенных пакетах — страницы пронумерованы двойным или тройным сочетанием числе через дефис. Во избежание путницы с указанием на интервалы страниц, в данном тексте при ссылке на документы из пакетов дефис заменен на косую черту.

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

Фото арестованного В.Э. Сеземана. Октябрь, 1950

язык [см. подробнее: Ласинскас, 2005: 149–150]. В Латвии 67-летнего научного корифея тоже высоко ценили и издавали его труды на русском языке. В результате раздумий Виппер письменно уведомил декана, что не готов менять Ригу на Каунас [там же]. Не без заметных проблем⁵, которые только подчеркивают значимость дружеской заботы Василия Сеземана, Карсавин переехал в Каунас, и далее два русских профессора поддерживали дружеские отношения.

К настоящему времени жизненный путь Карсавина исследован несравненно более тщательно, чем биография Сеземана. Ее изложение отечественными авторами почти не выходит за границы одного из первых редакционных послесловий В.И. Повилайтиса к статье самого философа [Сеземан, 2010: 76–79]. Этот текст, в свою очередь, только близко воспроизводит автобиографическую часть заявлений В.Э. Сеземана, хранящихся в Литве в его архивном деле с материалами о реабилитации [Дело, 1956]. В этих обращениях Сеземан написал, что был необоснованно обвинен в преступлениях, предусмотренных статьей 58, пп. 4, 6, 10 Уголовного кодекса от 1922 года (оказание помощи буржуазии,

⁵ На момент приглашения общественно-политическое реноме Л.П. Карсавина в столице страны с многовековым влиянием католицизма было сильно осложнено его резкими антикатолическими выпадами, вплоть до критики догматов Римской Церкви [Карсавин, 1925]. Влиятельный в Каунасе прелат А. Якштас-Дамбраускас (1860–1938), почетный профессор факультета теологии и философии, публично через столичную газету выступил против того, чтобы воспитание лучшей литовской молодежи, будущей элиты страны доверили одному из самых опасных идейных врагов Римской Церкви [Jakštas, 1927].

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
НРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ**
■■■■■■■■■■

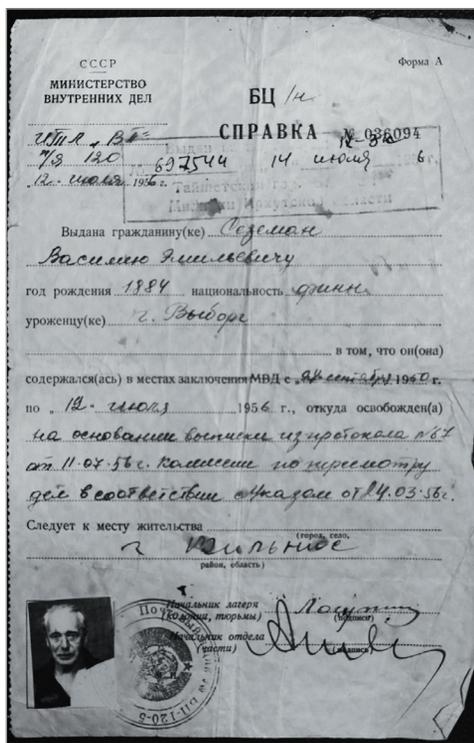
шпионаже, призывах к подрыву и ослаблению Советской власти и т.д.) [там же: 17–21; 23–33; 34–40; 42–48]. Во всех этих заявлениях совсем не случайно приводится один и тот же перечень сведений, и от документа к документу в них не появляется ни одной новой детали о жизни заявителя. Разумеется, причина кроется не в его лени, и не в возрастных проблемах Сеземана: память у него была до самой смерти отменная.

По прошествии многих десятилетий атмосфера того времени, строй мысли и реакции живших тогда людей современным исследователям не всегда понятны, поэтому адекватное распознавание мотивов и важных нюансов реальных взаимоотношений нередко представляет для них отдельную проблему. Особенно это касается того, как авторы прошлого в своих жизнеописаниях трактуют причины своих поступков или комментируют личное отношение к событиям.

Автобиография Василия Эмильевича представляет собой один из таких характерных документов. Использование продуманной шаблонной версии автобиографии в его тестах продиктовано осторожностью человека, прошедшего лагерную выучку и знающего, что всякое излишество, неосторожность могут стать поводом для новых запросов, а то и нового следственного дела. Тексты, направленные Василием Сеземаном своим адресатам, сформулированы так, чтобы гладкие фразы прикрыли собой опасные подробности жизни ученого, подчеркнули лояльность к советской власти и партии.

Так, само заявление В.Э. Сеземана в ЦК КПСС с просьбой «дать указание» о пересмотре дела жалобой на бездействие [Дело, 1956: 17–19] призвано продемонстрировать о доверии заявителя к высшей идеологической инстанции страны. Указав, что он добровольно ушел на фронт в Первую мировую войну, Сеземан уточнил, что был санитаром, а в конце 1915 года уже возобновил научную работу и женился на дочери академика Н.В. Насонова [1855–1939]. При этом имя второй супруги, с которой на момент написания текста Сеземан находился в браке, он не привел, потому что ее девичья фамилия указала бы на дворянское происхождение — Вильма Бруновна родилась в семье баронов фон Доберт (1912–1998).

Василий Эмильевич не забыл упомянуть свой очень краткий период своей работы в 1917 году в Архиве революции, а также переезд с женой и сыном Алексеем осенью 1918 года в Вятку, где он читал лекции по педагогике в педагогическом институте. Он также сообщил, что был приглашен в 1919 году в Саратовский университет, где был преподавателем, а потом доцентом на кафедре философии [там же]. Но наибольший интерес представляет рассказ Сеземана о причинах эмиграции. Поясняя его, он впервые отошел от перечислительного регистра изложения и дополнил сообщение

Справка об освобождении из заключения. Озерлаг, июль 1950

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

об отъезде осенью 1921 года из Ленинграда в Финляндию тем, что он решил «навещать ... престарелую мать» [там же].

По своим личным убеждениям Василий Эмильевич был принципиально правдивым и кристально честным, но в этом утверждении об отъезде он лукавил. Его мать Ида Мария Сеземан (1845–1926) действительно жила в Финляндии, но в сентябре 1921 года поездка происходила совсем по другой причине: этим шагом Василий Эмильевич пытался сохранить свой брак с Антониной Николаевной Насоновой (1899–1941). С 1915 года она стала носить фамилию Сеземан и всем представляться Ниной, так как имя, полученное при рождении, не любила. Она добилась своего, и сегодня чаще всего упоминается в массовой печати именно как Нина Клепинина-Львова, одна из многих, кто был вовлечен ОГПУ в операцию «Трест», причастен к истории возвращения в СССР Марины Цветаевой и Сергея Эфрона и т.д.

Ученица К.С. Петрова-Водкина (1878–1939) в ранней молодости была натурой, имеющей самые разнонаправленные увлечения. Одно из них — скоротечный роман с тогда студентом в 1921 г., будущим профессором А.В. Болдыревым (1896–1941), закончилось

В этом же письме Карсавин упомянул, что «сеземановой сожительнице злой муж, наконец, согласился дать разводную» [там же]. Первый брак Вильмы Бруновны, расторгаемый ею на момент этого письма Карсавина, фактически перестал существовать еще тремя годами раньше, когда она после знакомства в 1931 году с Василием Эмильевичем ушла от мужа назад к родителям. В 1938 году состоялась церемония их бракосочетания по лютеранскому обряду.

Брак оказался на редкость счастливым: помимо сохраненной на всю жизнь взаимной любви супруг при всяком случае старался порадовать свою Вильму подарком или поездкой в очередной европейский город; она же со свойственной ей практичностью и организованностью обеспечивала уют в доме. Они старались не затерять отношения в мелочных бытовых заботах и многие годы они вечерами читали друг другу вслух что-нибудь из мировой художественной классики или музицировали вместе (Василий Эмильевич виртуозно владел виолончелью, Вильма Бруновна прекрасно играла на фортепиано).

Несмотря на научный авторитет и превосходно освоенный литовский язык, преподаватели-литовцы почти всю его жизни воспринимали Сеземана приезжим русским профессором — как он сам утверждал, «не считают меня своим» [Дело, 1950: 206]. В таком же положении был и Карсавин, разве что он в силу склонности к сарказму, ответно колко характеризовал литовских коллег по университету: «Это глубоко националистический и шовинистический народец ... <...> Именно от Наркомпроса [Литвы] исходят назначения, густо отдающие шовинизмом и гонением на нелитовских профессоров и ученых» [Дело, 1949: 8/17]. Агентура в 1948 году доносила, что «Карсавин ругал местных литовских ученых, которые, по его мнению, не имеют даже точного представления, что такое наука» [там же: 18/21].

Таким образом, находившиеся в глубоко провинциальной среде профессора, с их образованностью, уникальной даже по меркам лучших столичных университетов, с близкими научными интересами и, наконец, с общим прошлым в евразийстве были обречены на дружеское общение, семейные визиты друг к другу и т.д. С разницей в год они были вырваны из налаженной жизни университетских профессоров: вначале в тюремную камеру попал Карсавин, затем Сеземан. После приговора последним адресом в жизни Льва Платоновича стала станция Абезь в приполярной тундре между Интой и Воркутой. А Василий Эмильевич, сменив несколько лагерей между Братском и Тайшетом, смог вернуться в Вильнюс.

Если учесть, что их соратника по евразийству Петра Николаевича Савицкого арестовали буквально днями после освобождения Праги от фашистов, то Карсавин и Сеземан двигались

от фашистов, в значительной степени оба профессора обосновывали рациональными спекулятивными умозаключениями, наивно ожидая, что практика советской жизни смягчилась, коммунисты стали гуманнее и с ними можно будет как-то «договориться». То, как Сезаман и Карсавин попытались выстроить свои отношения с сотрудниками структур НКВД, представляет собой пример необъяснимого простодушия, ставшего катализатором идеологического преследования двух профессоров и расправы над ними.

Через несколько дней после того, как 13 июля 1944 года Вильнюс был освобожден от фашистов, Сеземана пригласили к ректору университета, и тот представил ему офицера. Чекист попросил профессора написать обзорную записку об отношении коренного населения к советской власти. Сеземан продолжал считать действующими свои давние обязательства в сотрудничестве. Он не мог знать, что агента из него не получилось: еще в 1936 году в Каунасе к «Философу», как он значился в оперативных материалах Василий Эмильевич, обратился советский эмиссар и дал поручения. Но предоставленные Сеземаном сведения были ничтожны, инициативы он не проявил, и с 1939 года его перестали считать агентом как «не представляющего оперативного интереса» [Дело, 1950: 35/1/4].

Казалось бы, имея за плечами опыт революции и всего происшедшего после нее, хорошо видевшие действия властей в довоенный период Советской власти в Литве, Сеземан и Карсавин должны были давно и хорошо понять, с кем и с чем они имеют дело. Но в 1944 году Василий Эмильевич продолжал считать себя связанным словом о сотрудничестве. Вряд ли он каким-то фантастическим образом убедил себя, что в 1939 году Советская власть допускала ошибки случайно. Скорее причина в том, что тогда им владело то доверие ко всем сторонам жизни, дополнительно препятствующее способности адекватно оценивать реальность. Его жизнь была овещена редким семейным счастьем со свое бесценной Вильмой, он был окружен ее любовью и заботой. Сам Василий Эмильевич был полон физических сил, удивлял всех на пляже сложными силовыми гимнастическими упражнениями. Наконец, в ожидании скорого окончания войны они решились родить ребенка... Что до советской контрразведки, то, как ему и сказал офицер на встрече, то НКВД на освобожденных территориях все силы бросило на разоблачение шпионов и выявление пособников фашистов.

Захваченный своим возвышенным оптимизмом, профессор философии в статье, характерно озаглавленной «Мои объяснения», добросовестно перечислил, словно растолковывая студентам, все основные причины, почему литовское население из рук вон плохо относится к коммунистам и советской власти. Содержание написанных им восьми страниц таково, что из нашего сегодня остается

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

только удивляться, почему автора сразу не препроводили в камеру. Только в 1950 году эти написанные им по просьбе сотрудника МГБ аналитические «советы» зазвучали вместе с формулировкой "пропаганда и агитация", содержащие призыв к ослаблению Советской власти" (Ст.58-10 УК РСФСР) [Дело, 1950: 211].

В частности, Сеземан написал, что советской власти надо учесть, как сильно «за двадцать лет самостоятельной жизни Литва в культурном и экономическом отношении ... продвинулась вперед, и у всех литовцев развилось национальное самосознание, принимающее иногда и болезненные формы» [там же: 204].

Далее профессор указал, что в 1939 году коммунистам не надо было запрещать национальный гимн и заменять его интернационалом, «который большинству народу, религиозно настроенному, был чужд и неприятен» [там же: 205]. К «ошибкам» автор записки отнес и массовую депортацию литовцев, включая отдельно формы ее проведения: «Были вывезены старики и больные, которые политически не представляли никакой опасности. Разделение семей и посылка их в разные места. Особенно болезненно переживалось, что вывезено было много учителей, что нанесло ущерб народному образованию» [там же].

Не исключено, что помимо эмоционального стиля изложения ученого подвела привычка добиваться точности и емкости формулировок своих мыслей. Честность могла быть продиктована и воспитанной в протестантской семье уважением к своей личной вере, нежелание уподобляться «рабу лукавому». Как бы там ни было, но Сеземан совсем не заметил, как далеко позади себя оставил черту, к которой тогда было смертельно опасно приближаться: «Создалось впечатление, что политика советской власти поставила целью уничтожить самобытность литовской культуры и денационализировать край. Это впечатление еще усиливалось переселением в Литву колхозников из России. Затем самый способ вывозов, их чрезвычайная спешность, которая лишала вывозимых возможности подготовиться к переселению и лишало их всего их имущества. Очень тяжелые условия при перевозке вывозимых в переполненных вагонах без пищи и воды» [там же].

Не остались без внимания профессора и темы идеологического воспитания вузовской молодежи: «Присланные в университет преподаватели марксизма и ленинизма не сумели импонировать ожиданиям студентов и внушить уважение к серьезности этих дисциплин. Слишком круто проявлялось и навязывалось преподавание предметов на марксистский лад [там же: 206].

Обзор заканчивался выводом Сеземана, что, как ему «кажется» (!), если не будут повторены перечисленные ошибки и литовскому народу «дадут время привыкнуть к новому строю, то он [народ]

сумеет приспособиться и выработать вполне лояльное отношение к советской власти» [там же: 207].

Карсавину в том же 1944 году тоже задавались вопросы. Поначалу они были совсем безобидными — о ценностях художественного музея, но его тоже стали спрашивать о настроениях населения, попросили назвать имена тех, кто поддерживал фашистов, и кто придерживается националистической ориентации. Затем последовало предложение о сотрудничестве, и Карсавин ... согласился. Но формулировка сохранившегося ответа была так хитроумна, что в ней не исключен скрытый расчет, задеть вербовщика лично, чтобы свести к минимуму повторение подобных предложений: «Я хорошо понимаю, необходимость помогать органам государственной безопасности, и как русский человек сам чувствую эту обязанность, в особенности в обстановке военного времени, но я не могу превратиться в сексота, в агентшу. Я готов помочь чем и как могу, но в таком случае мне хотелось бы иметь дело с человеком, который бы меня понимал. Все советские люди должны бороться с врагом и помогать органам, и я не думаю отказываться помогать, но это нужно делать толково» [Дело, 1949: 8/17]. Больше с Карсавиным о сотрудничестве разговоров не заводилось, и вскоре в его близком окружении был внедрен агент «Прямой» [там же: 8/18] к донесениям которого скоро добавились донесения и от «Тургенева», «Александровского» и др. [там же: 8/20–26].

Тема секретной агентуры и осведомительства в СССР в последние десятилетия преимущественно представляет собой пространство однобоких, тенденциозных спекуляций. Необоснованным репрессиям, разумеется, не может быть оправдания, но ситуация в послевоенной Литве не сводилась к теме врагов народа и уродливых явлений, сопровождавших культ личности. Шла война и еще не было ясности: «или враг нас», «или мы его». Советская контрразведка действительно вмешивалась во все происходящее, действительно выявляла скрывавших военных преступников, пособников фашистов, повинных в гибели людей, пресекала реальный шпионаж, устанавливала имена участников бандформирований и т.д. Без широкой агентурной сети из местного населения выполнить эти задачи было невозможно, она была создана. Согласно отчетам 2-го отдела МГБ (контрразведка) в январе 1949 года в Литве с населением около 2,5 млн человек [Копии, 1949: 2] состояло около 500 агентов и свыше 2000 осведомителей.

Но папки с наблюдательными делами на Сеземана и Карсавина пополнялись не только через вильнюсскую агентуру. Один из поводов для будущих вопросов и обвинений показательно обеспечил тот самый, арестованный в Праге П.Н. Савицкий. В ноябре, после допросов в следственной тюрьме, его доставили в лагерь близ

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
 НРАВЫ.
 ХАРАКТЕРЫ**
 ■■■■■■■■■■

станции Потьма в Мордовии. При всякой возможности он старался посетить культурно-воспитательную часть и прочитать свежие газеты. В конце 1945 года второй странице газеты «Известия» от 23 декабря в информации под заголовком «В Академии наук СССР» он увидел фамилию соратника по евразийству. Сообщалось, что в институте философии АН СССР начата подготовка учебного пособия по элементарной логике, а в качестве авторов были перечислены член-корреспондент Академии наук СССР М.С. Строгович, профессора В.Ф. Асмус, В.Э. Сеземан и др. [В Академии, 1945: 2].

Далее один из ведущих теоретиков евразийства, умный и образованный человек не нашел ничего более подходящего, чем написать и отправить из лагеря, советской почтой, т.е. через сито цензуры, письмо в Москву на адрес Академии наук СССР и лично на имя Сеземана: «Милый, дорогой Василий Эмильевич ...» [Дело, 1950: 208]. Сложенное в «треугольник» послание содержало просьбу о помощи продовольственными и вещевыми посылками. Не забыл Петр Николаевич прислать и новые теоретические работы Василия Эмильевича, равно как не забыл указать домашний адрес своей сестры Анны Николаевны Кренке (1900–1984), от которой Сеземан может узнать все подробности его положения. Письмо попало «куда надо» и тоже было подшито к следственному делу В.Э. Сеземана как одно из косвенных доказательств его причастности к политической организации с буржуазной идеологией. [Дело, 1950: 208].

Сегодня авторы статей о евразийстве устойчиво трактуют участие в нем как главный мотив для ареста и осуждения Карсавина и Сземана. Но была ли их евразийская деятельность действительно главной пружиной возникновения уголовных дел? Если бы это было так, они были бы , арестованы сразу после освобождения Вильнюса, в крайнем случае после допросов П.Н. Савицкого летом 1945 года. Все указывает на то, что в евразийскую упаковку эти дела облачили, для придания веса «реализованным» делам, как называли чекисты завершение оперативного наблюдения и сбора информации в отношении человека или группы лиц их осуждением.

Как свидетельствуют архивные документы, настоящие рычажки и шестеренки секретного механизма, затащившие жизнь двух русских ученых в репрессивную мясорубку, приводились в действие другими мотивами и обстоятельствами. Одна из реально важных причин связана с обострением давней психической болезнью Ирины Львовны Карсавиной, вторая — с профессиональной деятельностью профессора Сеземана в университете.

Ухудшение здоровья у Карсавиной произошло в 1948 году не в последнюю очередь из-за скрывааемых тяжелых переживаний:

ранее она тоже дала согласие стать агентом и числилась в донесениях «Галиной», ее завербовали, играя на ее патриотических струнах. В глазах контрразведчиков она представляла большой интерес, поскольку имела опыт работы в литовском посольстве Великобритании. Но весной 1948 года нервное напряжение превысило силы Ирины Карсавиной, и она отказалась продолжать сотрудничество. Ее, конечно, предупреждали о последствиях, она не вняла этому, и 8 марта 1948 года ее арестовали [Дело, 1948: 7–8].

Все обвинения против нее держались исключительно на сведениях, полученных от агента ... «Галины». В том числе, было переиначено ее собственное донесение о полученных номерах журнала «Les Temps Modernes» со статьями Жан Поль Сартра. Они были в посылке, переданной еще в 1947 г. с оказией из Парижа сестрой — Марианной Львовной Сувчинской [там же] Ирина Карсавина отчиталась о получении этих изданий перед МГБ незамедлительно, но не избавилась от них, а отдала их на хранение Василию Сеземану. Это она тоже указала в своем агентурном сообщении [Дело, 1949: 8/19–20]. В конце июля 1948 года Особое совещание вынесло Ирине Карсавиной приговор — 10 лет, и она была отправлена в мордовский лагерь [Дело, 1948: 18]. А в наблюдательном деле Сеземана появилась еще одна «черная метка» [Дело, 1950: 20; там же: 35/1/20].

Профессора Сеземана освободили от заведования кафедрой основ марксизма-ленинизма в конце 1948 года уже после ареста Ирины Львовны. Все произошло в полном противоречии его рекомендации в памятной записке 1944 года: не прибегать к практике «назначения на ответственные посты лиц, приехавших из России, не знающих Литвы и плохо разбирающихся в местных условиях» [Дело, 1950: 205]. В августе 1948 года Сеземан получил указание обеспечить учебной нагрузкой присланного из Еревана, кандидата философских наук Генри Габриэловича Габриэльяна (1903–1981) [там же: 331]. Он не мог знать, что это было первым шагом в далеко идущих планах относительно него.

Габриэльян имел в своем послужном списке богатую профессиональную деятельность партийного функционера: он успел поработать секретарем райкома и губкома, заведующим отделом печати ЦК Компартии Армении, был редактором партийной газеты «Авангард», директором института марксизма-ленинизма, заместителем заведующего отделом культуры КП Украины, директором института истории и литературы, заведующим кафедрой университетов и т.д. Вершиной партийной карьеры Габриэльяна стало его назначение в 1937 году ректором Ереванского университета, но через четыре месяца он был исключен из партии и помещен в тюрьму. Каждый день заключения мог быть для него

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
ПРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ**
■■■■■■■■■■

последним, тогда были расстреляны очень многие. [Čiurpītējiņš]. Но через год его каким-то чудом освободили, и ему пришлось начинать карьерное движение с должности преподавателя университета [Ibid.].

Перевод в Вильнюс не был повышением, а только шансом вернуть партийное доверие. В Литву Габриэляян приехал, хорошо понимая, какие и с кем ему придется решать задачи, и как дорого он может еще раз заплатить за малейшее отклонение от официальной линии. Но он совсем не владел литовским языком, звучащим в университете и в городе повсеместно. В сложной послевоенной обстановке Габриэляян совершенно не чувствовал себя уверенным ни в своем личном настоящем, ни в личном будущем, а мог рассчитывать только на то, что будет полностью соответствовать всем требованиям партийных руководителей и кураторов из НКВД.

Вскоре Сеземана ожидаемо сняли с заведования кафедрой, и на это место был назначен Габриэляян. Словесные стычки между бывшим и действующим руководителями возникли сразу. Но особую роль в конфликте сыграла статья «Против формализма и аполитичности в преподавании логики», опубликованная в первом номере журнала «Вопросы философии» за 1948 год [Вышинский, 1948]. Она представляла собой отклик на приказ министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова «О работе кафедры логики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» от 28.03.1948. В приказе сообщалось о проверке кафедры логики МГУ и обнаруженных идеологических изъянах в преподавании этой науки. Документ содержал формулировки о порочном, формалистическом подходе, отрыве логических форм «от живого мышления советских людей» [там же: 345], недопустимости объективизма и аполитичности. Приказ требовал от руководителей вузов «проверить состояние преподавания логики с целью решительного преодоления формализма, схоластики и аполитизма в преподавании этой науки» [там же].

Центральный тезис статьи в «Вопросах философии» провозглашал существование двух логик — ошибочной формальной и правильной, т.е. имеющей в основе принцип партийности [там же: 345–346]. Это положения на практике потенциально легко становилось для расправы не только по идеологическим основаниям, но и по причинам личной неприязни, карьерных целей и т.п. Жизнь это быстро подтвердила, в т.ч. в Вильнюсе: по университету покатила волна проверок содержания лекций, на кафедрах и факультетах стали звучать специальные доклады о безусловном верховенстве принципа партийности во всех науках.

Весной 1949 года Габриэляян представил коллегам свой доклад «Партийность логики и борьба с формализмом» и предложил

высказаться. Сеземан резко возразил, что партийность есть не что иное, как субъективизм, а партийная наука не может быть объективной. [Дело, 1950: 336]. Несколько лет спустя в заявлении о пересмотре своего дела Василий Эмильевич так изложил происходившее далее: «В результате дискуссии я был обвинен в серьезном идеологическом уклоне и решением общеуниверситетского совета уволен из Университета, а затем и из Пед.института. Я подал жалобу на это решение в ЦК ВКП/б/ в Москве. В это время вышла как раз работа тов. Сталина о языкознании, в которой он доказывал, что строй языка, а тем самым и лежащего в его основе мышления, не относится к идеологической надстройке, а имеет общий для всех классов характер. Приблизительно в то же время ЦК ВКП/б/ вынес по моей жалобе решение, что в разногласиях по этим теоретическим вопросам окончательное выяснение еще не созрело, и [поэтому они] не могут служить поводом к увольнению от преподавания в Вузах, и назначил меня профессором логики в Белорусский университет в Минске» [Дело, 1956: 9–11].

С точки зрения Габриэльяна, некоторых его коллег и кураторов из управления МГБ Сеземан повел себя крайне вызывающе. Помимо поданной жалобы он лично съездил в Москву, в Академию наук и министерство высшей школы, стал там отстаивать свою точку зрения. На словах его успокоили, но в письменном ответе на запрос заместитель начальника отдела спецработы академии профессор Н.С. Шевцов написал свой вывод от общения с вильнюсским ученым-правдоискателем «хорошо владеет фактическими знаниями в области формальной логики, но обнаруживает слабость и беспомощность в знании основ марксистско-ленинской теории» [Дело, 1950: 10].

Все происходившее в преподавательской среде отразилось и на студенческой атмосфере. Литовские студенты любили лекции Василия Сеземана. Один из них поэт, переводчик и критик А. Балтакис вспоминал, что студенты восхищались его прекрасным владением национальным языком [Baltakis, 2015]. Со всей непосредственностью юношеской горячности они не считали нужным слишком скрывать свою неприязнь к приехавшим в Вильнюс русскоязычным лекторам, особенно тем, кто активно отстаивал тезисы марксизма. На их фоне Василий Эмильевич запомнился студентам «человеком свободного разума» [Baltakis, 1997].

В дополнение ко всему ревизия фондов кафедральной библиотеки, проведенная Габриэльяном, выявила 133 (!) книги враждебных авторов-идеалистов и откровенных политических врагов. Из базовых книг марксизма-ленинизма обнаружилась только одна — ленинский труд «Материализм и эмпириокритицизм». [Дело, 1950: 225]. Поскольку фонды библиотеки комплектовал

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

дома, но были с ним недопустимо откровенны [Дело, 1949: 35/1/20]. Более того, Сеземан ему единственному дал на время наиболее идеологически «крамольные» сартровские журналы [Дело, 1950: 29].

К моменту возбуждения уголовного дела в отношении профессора В.Э. Сеземана в наблюдательном деле собралось еще много сказанного им с 1944 по 1950 годы и переданного в доносах. Среди прочего, например, он говорил:

«У нас происходит не застой в науке, а сознательное разрушение науки, которое делается для того, чтобы учредить полную духовную диктатуру, по возможности убить все творческие проявления новых людей» [Дело, 1950: 35/1/19].

«Страна находится в умственном застое и виновником он считает одного из руководителей ВКП/б/ и Советского Правительства. Смерть его, он считает, спасением для страны, а поэтому каждый из нас обязан, якобы, ее желать с нетерпением, но огорчается тем что имеется немало его последователей. Если же к власти придет новая фигура, то возможна перемена, так как каждому новому человеку доступны стремления к популярности, а всякое отступление от сталинизма ее гарантирует.

<...> ... об этом мечтает и Карсавин. <...> ... придется окунуться, в “моральный унитаз” при голосовании” [там же: 35/1/20].

“Мы превратились в жвачных животных, вначале жуем в Москве, а потом пережевываем то, что жевали там” [там же].

Жизнь в СССР состоит из самых несправедливых преследований, которым конца и края нет <...> .

Нельзя сравнивать условия морального существования населения там и здесь, ибо в СССР человек, находящийся в тюрьме более свободен, чем находящийся на воле, так как в тюрьме он может говорить, не опасаясь ареста, у нас же он и это не может делать”» [там же: 35/1/21–22].

В таком поведении Сеземана, разумеется, можно обнаружить, что он продолжал держаться своих представлений о чести и достоинстве, не сдерживал себя в оценках происходящего вокруг. Но это не отменяет проблемы кредита доверия, выданного фактически незнакомым людям. Это в полной мере справедливо в отношении Карсавина. В жесткости формулировок он даже превосходил своего коллегу:

«Я считаю, что если несколько лет назад Советская власть была благом для России, то сейчас она вредна. Советская власть необычайно развила народное образование, сделала безумный технический скачок вперед, но что означает техника без гуманитарных наук. В Советском Союзе, наряду с громадным техническим прогрессом, идет страшный гуманитарный регресс. Гуманитарные науки умерли в СССР. Философия превратилась в катехизис коммунизма, история — в ученический примитив, социология

надеждах, что все эти кураторы и следователи проявят честность и порядочность в ответ на их готовность дать любые пояснения.

Действительно, на некоторых допросах Карсавин и Сеземан рассказали даже то, что совсем ни при каких обстоятельствах нельзя было рассказывать. Так, Карсавин без специальных вопросов о Елене Чеславовне Скржинской (1894–1981), любви всей его жизни, назвал следователю ее имя [Дело, 1949: 173]. Сеземан чуть не подвел себя под статью о сотрудничестве с немцами, сообщив, что когда немцы закрыли Вильнюсский университет, они продолжали платить некоторым профессорам за продолжение теоретической работы, и он входил в их число [Дело, 1950: 136–137].

В лагерях Тайшета профессору Сеземану поневоле пришлось учиться иначе относиться к реальности, познакомиться с отвратительной изнанкой жизни. В 70 лет академическому профессору пришлось валить лес в тайге, быть посудомойщиком и разнорабочим на кухне, чистить туалеты. В неволе Василий Эмильевич страстно хотел жить, чтобы обнять жену и детей. Он ясно отдавал себе отчет в том, что перед ним встала трудная задача нового понимания окружающего мира. Но он так и не смог ее решить на практике и перейти на возможный путь, требующий совершенно иного отношения к себе и людям. В самых приземленных условиях и обстоятельствах неволи он продолжал считать своим самым главным делом дело мысли. При всякой возможности профессор философии Сеземан занимался с заключенными, старался увлечь их в мир идей. Понимая свою неспособность перевести свою жизнь в утилитарный регистр, подчинить первостепенности практической выгоды, он надписал дочери Наталье свое лагерное фото: «От философа, который так и не научился мудрости».

После освобождения в 1956 году Василий Эмильевич упорно добивался реабилитации и наконец, несмотря на многочисленные отказы, был оправдан по всем пунктам обвинения. Он вернулся в Вильнюсский университет, продолжил преподавать логику и рассказывать об Аристотеле и не только. Он существенно переработал свой учебник логики, изданный на литовском еще в 1929 году, и завершил «Эстетику». Эту книгу Сеземан считал главным своим трудом, она была издана посмертно, [Sezemanas, 1970]. Позже в свет была выпущена «Гносеология», объединившая три связанных больших текста [Sezemanas, 1987].

Василий Сеземан всю жизнь оставался верен своим философским идеям о необходимости совершенствования духовного и телесного самообладания, дисциплины духа и тела [Сеземан, 1931: 147–190]. Со своей любимой Вильмой он не соглашался только в том, что возраст и гимнастика несовместимы. Гимнастика и дисциплинированность помогли ему выжить в лагере. Почти

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

до самой кончины Сеземан скрывал от жены, что не оставил занятий с тяжелыми гимнастическими ядрами. И он все время напоминал сыну Георгию пример своих предков — Pavel[a] и «Paal[a], когда-то победивших твердость гранитной породы.

Сегодня имя Василия Сеземана глубоко и четко прорезано в каменной мемориальной доске, вмурованной в стену главного здания Вильнюсского университета. Всем, кто заходит в университетский двор, эта надпись хорошо видна, как и вторая, сделанная чуть выше: «Лев Карсавин». Обе они сделаны по-литовски. В России же имя Льва Платоновича значится на памятном камне, откуда в 1922 году пароход «Пруссия» отплыл вместе с большой группой русских изгнанников, философов и ученых. В галерее самых значительных выпускников Института философии Санкт-Петербургского университета, когда-то именовавшегося историко-филологического факультетом, есть портрет Льва Карсавина. Недавно стало известно о планах заказать для галереи и портрет Василия Сеземана.

Настоящая статья создана при сердечном участии и помощи светлой памяти сына В.Э. Сеземана Георгия и его ныне здравствующей супруги Юлии.

A Philosopher, Who Failed to Learn Wisdom

Vladimir I. Sharonov

PhD In Pedagogy, Academic Secretary.

Western branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration,

62, Artilleriiskaya Str., 236016 Kaliningrad, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-9708-1446

sharonovvi@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the state of scientific research of the life, activity and legacy of V.E. Seseman, a Russian, Lithuanian, Soviet philosopher, one of the participants of the Eurasian movement. His fate turned out to be closely connected with one of the main ideologists of Eurasianism, L.P. Karsavin, a Medieval scholar and philosopher. The weak holistic elaboration of Seseman's legacy and life is due to a combination of reasons, primarily the lack of Russian translations of his main works written in German and Lithuanian. Another important reason is the low interest of researchers in archival sources containing important information about the biographies of Seseman and Karsavin.

Previously unknown historical documents are actively used in the article. They recreate the dramatic tension of the 1920s–1950s, reveal important circumstances in the tragic fractures of the destinies of two Russian philosophers. Contrary to the established opinion, the author considers that the main real reason for the criminal prosecution of Seseman is not participation in Eurasianism, but a principled philosophical position, including

expressed in open objections to the imposition of the supremacy of the principle of partisanship in the teaching of logic and against the reformatting of this science into an ideological discipline. theoretical development.

Another reason for the arrests was the extreme carelessness of these university professors in informal relationships with others, many of whom were secret agents. The author of the article points out a striking gap between the high theoretical qualifications of two armchair scientists and their naive short-sightedness in practical behavior. The unreasonable credulity shown in real life by two thinkers translates the topic into the register of ethics and leads to questions about the personal responsibility of each of these theorists for the tragedy of not only their lives, but also the lives of loved ones.

Keywords: Russian philosophy, Russian emigration, Eurasianism, discussion about logic, cabinet scientist and reality, Seseman, Karsavin, Savitsky.

For citation: Sharonov V.I. A Philosopher, Who Failed to Learn Wisdom // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 5. P. 83–113. DOI: 10.31857/S023620070028504-1

Литература/References

Аюшеева Д.В., Доржиева Д.Л. Жизнь и деятельность известного буддолога, философа и духовного наставника Дандарона Б.Д. // *Религиоведение*. Благовещенск: Амурский государственный университет. 2014, № 4. С. 48–57.

Ayusheeva D.V., Dorzhieva D.L. Zhizn' i deyatel'nost' izvestnogo buddhology, filosofa i duhovnogo nastavnika Dandarona B.D. [The life and work of the famous Buddhist, philosopher and spiritual mentor Dandaron B.D.] *Religiovedenie*. Blagoveshchensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet. [Amur State University] 2014. N 4. P. 48–57.

Белов В.Н. Современные исследования творчества Василия Сеземана за рубежом // *HORIZON*. Феноменологические исследования. 2017. №2 (12). С. 411–424.

Belov V.N. *Sovremennye issledovaniya tvorchestva Vasiliya Sezemana za rubezhom* [Modern research into the work of Vasily Seseman abroad]. *HORIZON. Phenomenological studies*. 2017. N 2(12). P. 411–424.

Вышинский П.Е. Против формализма и аполитичности в преподавании логики. *Вопросы философии*. 1948. №1. С. 344–348.

Vyshinskij P.E. Protiv formalizma i apolitichnosti v prepodavanii logiki. [gainst formalism and apolitical teaching in teaching logic]. *Voprosy filosofii* 1948. N1. P. 344–348.

В Академии наук СССР // *Известия* 23.12.1945 г. №300 (8910). С. 2

V Akademii nauk SSSR [In the Academy of Sciences of USSR]. *Izvestiya*. 23.12.1945. N 300 (8910). P. 2.

Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М.: Новое издательство. 2010.

Glebov S. *Evrazijstvo mezhdru imperiej i modernom*. [Eurasianism between Empire and Modernity]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010.

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

and phenomenology]. *HORIZON. Phenomenological studies*. 2017. N 1(11). P. 79–96.

Казнина О.А. М. Горький и евразийство: письмо В. Коростовцу // Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМ ЛИИ РАН, 2003.

Kaznina O.A. M. Gor'kij i evrazijs'tvo: pis'mo V. Korostovcu [M. Gorkij a eurasijs'tví: dopis to V.Korostovec]. *Filosofskij kontekst russoj literatury 1920–1930-h godov*. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003.

Карсавин Л.П. Письмо к Карсавиной И.Л. от 11.03.1936 г. // *Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius*. F. 138. Ap. 87.

Karsavin L. P. *Pis'mo k Karsavinoj I.L.* ot 11.03.1936 g. [L.P. Karsavin's letter to I.L. Karsavina. Letter 11.03.1936]. *Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius*. F. 138. Ap. 87.

Карсавин Л.П. Проект истинной декларации евразийцев или им мое (Л. П. К) философски-политическое, но общепонятное завещание. 1929 // *Vasilii Petrovich Nikitin Papers, 1859–1960 Archival Collections, Columbia University Libraries*. URL: <https://findingaids.library.columbia.edu/ead/nnc-rb/> (дата обращения: 21.05.2023).

Karsavin L.P. *Proekt istinnoj deklaracii evrazijs'cev ili im moe (L. P. K) filosofski-politicheskoe, no obshcheponyatnoe zaveshchanie. 1929*. [The draft of the true declaration of the Eurasians or my (L. P. K) philosophically-political, but generally understandable testament. 1929]. *Vasilii Petrovich Nikitin Papers, 1859–1960 Archival Collections, Columbia University Libraries*. URL: <https://findingaids.library.columbia.edu/ead/nnc-rb/> (date of access: 21.05.2023).

Карсавин Л. П. Уроки отреченной веры // *Евразийский временник*. Париж. 1925. № 4. С. 66–81.

Karsavin L. P. *Uroki otrechennoj very* [Lessons of the Renounced Faith]. *Evrzijskij vremennik*. Parizh. 1925. № 4. P. 66–81.

Климанскене Н.Ю. Бидия Дандарон. Каким я его помню. // Дандарон Б.Д. Письма о буддийской этике. СПб.: Алетейя, 1997. С. 3–9.

Klimanskene N. Bidiya Dandaron. Kakim ya ego pomnyu. [Bidiya Dandaron. How I remember him]. *Dandaron B.D. Pis'ma o buddijskoj etike*. Saint Petersburg: Aletejya Publ., 1997. P. 3–9.

Копелев Л.З. И сотворил себе кумира. Харьков: Права людини. 2010.

Kopelev L. *I sotvoril sebe kumira*. [And he created an idol for himself]. Kharkiv: Prava lyudini Publ., 2010.

Копии отчетов 2-го отдела МГБ за 1949 г. // *Lietuvos ypatingasis archyvas*. F. K.-43. Ap. 4.

Kopii otchetov 2-go otdela MGB za 1949 g. [Copies of reports of the 2nd Department of the Ministry of State Security of the USSR for 1949]. *Lietuvos ypatingasis archyvas*. F. K.-43. Ap. 4.

Корсаков С.Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть II // *Логические исследования*. 2016. Т. 22. № 1. 145–170.

Korsakov S.N. *Iz istorii vozrozhdeniya logiki v SSSR v 1941–1946 gg. CHast' II* [From the history of the revival of logic in the USSR in 1941–1946. Part II]. *Logicheskie issledovaniya*. 2016. T. 22. N 1. P. 145–170.

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости

■■■■■■■■■■
**ВРЕМЕНА.
ПРАВЫ.
ХАРАКТЕРЫ**
■■■■■■■■■■

- Ласинскас П. Лев Платонович Карсавин и Литва (1928–1949) // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 143–167.
Lasinskas P. Lev Platonovich Karsavin i Litva (1928–1949) [Lev Platonovich Karsavi and Lithuania]. *Voprosy filosofii*. 2005. N 8. P. 143–167.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа. 1991.
Losskii N.O. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1991.
- Луначарский А.В. Между Востоком и Западом // Запад и Восток. Кн. I и II. Сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. М.: ВОКС, 1926.
Lunacharskii A. *Mezhd u Vostokom i Zapadom* [Between East and West]. *Zapad i Vostok. Kn. I i II. Sbornik Vsesoyuznogo obshchestva kul'turnoj svyazi s zagranicej* [West and East. Book I and II]. Moscow: All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries Publ., 1926.
- Сеземан В. [Чухнин В.] Время, культура и тело. К познанию культурных задач современности // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж: Изд-во евразийцев. 1931.
Sezeman V. [Chuhnin V.] *Vremya, kul'tura i telo. K poznaniyu kul'turnyh zadach sovremennosti* [Time, culture and body. Toward knowledge of the cultural challenges of our time]. *Tridcatye gody. Utverzhdenie evrazijcev. Kniga VII* [Thirties. Confirmation of the Eurasians. Book VII]. Paris: Izdatel'stvo evrazijcev Publ., 1931.
- Сеземан В. Э. Теоретическая философия Марбургской школы (с послесловием В. И. Повилайтиса // Кантовский сборник. БФУ им. И. Канта. 2010. № 4. С. 60–79.
Sezeman V. E. *Teoreticheskaya filosofiya Marburgskoj shkoly (s posleslovиеm V. I. Povilaitisa)* [Theoretical Philosophy of the Marburg School (with an afterword by V. I. Povilaitis)]. *Kantovskij sbornik*. Immanuel Kant Baltic Federal Universit. 2010. N 4. P. 60–79.
- Туган-Барановский Д. М. Политическая деятельность М. М. Туган-Барановского в период эмиграции (1919–1926 гг.) // История: перестройки и переломы. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2007. С. 428–433.
Tugan-Baranovskij D. M. *Politicheskaya deyatel'nost' M. M. Tugan-Baranovskogo v period emigracii (1919–1926 gg.)* [Political activity of M.M. Tugan-Baranovsky during the period of emigration (1919–1926)]. *Istoriya: perestrojki i perelomy*. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University Publ., 2007. P. 428–433.
- Чардыбон Б. Философия Василия Сеземана и марбургское неокантианство // Кантовский сборник. 2015. №3. С. 66–85.
Chardybon B. *Filosofiya Vasiliya Sezemana i marburgskoe neokantianstvo* [The philosophy of Vasily Sesemann and Marburg neo-Kantianism]. *Kant Collection*. 2015. N 3. P. 66–85.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга третья. О морали // Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль. 1996.
Yum D. *Traktat o chelovecheskoj prirode. Kniga tret'ya. O morali* [Treatise of Human Nature Book III: Morals]. YUm D. *Sochineniya v dvuh tomah*. T. 1 [Works in two volums. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1996.

Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Республика, 2003.

Yakovenko B.V. *Istoriya russskoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 2003.

Aristotelis. Apie sielą [On the Soul]. *Sezemanas, Vosylius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla*. Vilnius, 1959.

Aristotelis. Apie sielą [On the Soul]. *Aristotelis Rinktinė. Kategorijos. Nikomacho etika. Poetika. Apie sielą*. Jonas Dumčius, Marcelinas Ročka, Vosylius Sezamano Vertimas. Vilnius, 2020.

Baltakis A. Poetas Algimantas Baltakis: «Viską lemia labai paprastas dalykas: ar tu padorus žmogus, ar ne». *Bernardinai*. 21.03.2015. URL: <https://www.bernardinai.lt/2015-02-15-poetas-algimantas-baltakis-viska-lemia-labai-paprastas-dalykas-ar-tu-padorus-zmogus-ar-ne/> (date of access: 22.05.2023).

Genzelis B. Lietuvos filosofijos istorijos bruožai. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, kieti viršeliai, 1997.

Gieda A. Istoriografija ir visuomenė: istorika, istoriko profesijos ir istorinės kultūros aspektai lietuvoje 1904–1940 m. *Daktaro disertacija Humanitariniai mokslai, istorija*. Vilnius, Vilniaus universitetas, 2013.

Hartmann N. Vom Neukantianismus zur Ontologie. Berlin. De Gruyter; Reprint, 2010.

Jakštas A. Kas yra prof. L. P. Karsavinas? *Rytas*. 1927. N 281 (1166). Gruodžio. 13d.

Kačerauskas T. Antikos mintis Lietuvoje: toli ir arti Vilniaus Gedimino technikos universitetas, Filosofijos. *Filosofija. Sociologija*. Vilnius: Lietuvos mokslų akademija. 2011. Vol. 22, N 3.

Maritima ristningar. Bohusläns museum. Rapport, 2015.

Parland Henry. (1908–1930). *Biografiskt lexikon för Finland: 4*. Republiken “M-Ö”. Helsingfors: slf, Stockholm: Adantis, 2011. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=5587> (date of access: 22.05.2023).

Parland Oscar (1912–1997). *Biografiskt lexikon för Finland: 4*. Republiken “M-Ö”. Helsingfors: slf, Stockholm: Adantis, 2011. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=5588> (date of access: 22.05.2023).

Parland O. Kunskap och inlevelse: Essayer och minnen. Helsingfors: Schildts, 1991.

Plečkaitis R. Filosofija Lietuvoje. Visuotinė lietuvių enciklopedija. VI tomas. Fau-Goris. Vilnius.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras/ 2004. URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/filosofija-lietuvoje/> (date of access: 24.05.2023).

Trumpa V. Apie žmones ir laiką baltos. Vilnius: Baltos lankos, 2001.

Sezemanas V. Gnoseologija. Vilnius: Mintis. 1987.

Sezemanas V. Estetika. Vilnius: Mintis. 1970.

Sezeman, V. Retsenziya na knigu N. Hartmann “Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis”. *Logos*. Berlin, 1921. № 1.

В.И. Шаронов
Философ,
не научившийся
мудрости